

Мужской городской антропонимикон 2-й половины XX в.: динамика, тенденции развития

Т.В. Скребнева

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Статья посвящена выявлению основных тенденций развития мужского городского антропонимикона 2-й половины XX в. Материалом для исследования послужили актовые записи о рождении г. Витебска за 1941–44–1994 гг., собранные на 6 годовых хронологических срезах с интервалом в 10 лет (17816 единиц).

Устанавливаются количественные параметры мужского именника на разных контрольных срезах, характеризуются статистические группы личных имен (популярные, редкие, единичные имена), прослеживается реакция регионального антропонимикона на социальные преобразования, определяются особенности его динамики по отношению к антропонимии других восточнославянских городов.

Делается вывод, что основными тенденциями развития мужского городского антропонимикона в конце XX в. являются снижение показателей концентрации и расширение границ именного фонда, возрождение употребительности славянских и редких канонических именований, реставрация христианского наполнения имени.

Ключевые слова: антропонимикон, личное имя, концентрация именника, динамика.

Male urban anthroponimicon of the second half of the XXth century: its dynamics, tendencies of the development

T.V. Skrebneva

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»

The article deals with the description of the main tendencies of the development of the male urban anthroponimicon of the second half of the XXth century. The material for the research is the civil birth certificates of the population in Vitebsk during the period of 1941–44–1994, taken at 6 annual chronological lines with 10-years' intervals (17816 units).

Quantitative characteristics of the male anthroponimicon at different control chronological lines are defined: statistical groups of the proper names (popular, rare, sporadic) are characterized; the reaction of the regional anthroponimicon to different social reorganizations is studied; the peculiarities of its dynamics in comparison with eastern Slavonic city anthroponimy are found out.

The following conclusion is made: the main tendencies of the development of the male urban anthroponimicon at the end of the XXth century are the reduction of the concentration parameters and the broadening of the name fund boundaries, the revival of the Slavonic and rare canonical name use; the restoration of the Christian name sense.

Key words: anthroponimicon, personal name, name pool concentration, dynamics.

Антропо- и этноцентрическая направленность современной лингвистики обусловила ориентированность исследователей на изучение проблем языка в тесной взаимосвязи с его носителем – человеком. Культурный и социальный опыт человека (и шире – этноса) накладывает определенный отпечаток на язык, по-особому преломляется в языковой картине мира.

Имена собственные играют важнейшую роль в создании языковой картины мира. Представляя собой, в понимании ряда лингвистов (В.Г. Костомарова, С.М. Пака, С.И. Гарагули и др.), свернутый лингвокультурный текст, они сохраняют информацию об исторических традициях, культурных и ценностных приоритетах социума.

Целью данной статьи является определение особенностей динамики мужского антропонимикона белорусского города по отношению к антропонимии других восточнославянских городов.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили актовые записи о рождении г.

Витебска во 2-й половине XX в. (**17816** единиц), собранные на 6 годовых хронологических срезах, охватывающих 1941–44–1994 гг.

В основу исследования была положена методика В.Д. Бондалетова [1], позволяющая выделить статистические части именника (популярные, редкие, единичные имена) и уровень его концентрации путем вычисления *среднего коэффициента одноименности (СКО)*; представляет собой частное от деления общего числа новорожденных на количество имен конкретного хронологического среза).

Результаты и их обсуждение. Мужской именослов исходного контрольного среза 1941–44 гг. содержит **65** антропонимных единиц, из них **17**, по количеству имяносителей превышающих либо равных СКО (**7** единиц), являются частыми (популярными): *Игорь* (7 носителей), *Георгий* (8), *Григорий* (8), *Эдуард* (12), *Василий/Василь* (16), *Иван* (17), *Геннадий* (18), *Евгений* (18), *Петр* (18), *Валерий* (19), *Михаил* (23), *Леонид/Леонит* (24), *Анатолий* (29), *Виктор* (35), *Александр* (39), *Николай* (41), *Владимир* (61). Несложно заметить, что в пространстве культуры военных лет отапеллятивная основа **6** популярных имен, обслуживающих **40%** новорожденных мальчиков, связывается с понятиями «война», «охрана», «победа», «господство»: *Владимир* (**1-й** ранг; из др.-слав. Владимир от основ со значением владеть + слава либо из др.-герм. Waldemar ← waltan царить, господствовать + mar славный, знаменитый), *Николай* (**2-й** ранг; греч. nikāō побеждать + laos народ), *Александр* (**3-й** ранг; греч. alexō защищать + andrōs мужчина), *Виктор* (**4-й** ранг; лат. Victor победитель), *Эдуард* (**12-й** ранг; др.-герм. ed, ead собственность + wardan охранять), *Игорь* (**14-й** ранг; др.-сканд. Ingvarr: Ingviō имя сканд. Бога изобилия + varr охранять) [2, с. 67, 58, 165, 28, 64, 239, 115–116]. Принимая во внимание то, что мужественность (маскулинность) как базисное филогенетически обусловленное свойство психики находит отражение в большом количестве мужских имен на разных социальных этапах, не следует абсолютизировать вывод о причинно-следственной связи военной ситуации и доминирования имен подобного типа. К тому же некоторые из приведенных выше антропонимов (*Александр*, *Владимир*, *Николай*) достаточно стабильно входят в ассортимент частых имен восточнославянских народов на разных социальных этапах еще с конца XVIII–XIX вв., на что указывают, к примеру, данные о фонде частых имен г. Пензы в 1761–1768 гг., первом десятилетии XIX в., 1882–1892 гг. [1, с. 116, 118, 123] и о динамике первой десятки русских мужских имен г. Одессы с 1880 по 1980 г. [8, с. 8]. В антропонимиконе г. Витебска на протяжении всего анализируемого периода (1941–44–1994 гг.) имена *Александр*, *Виктор*, *Владимир*, *Игорь* располагаются в пределах первой десятки. Однако нельзя не отметить, что с 60–70-х гг. их фреквентативные показатели заметно идут на убыль и к 1994 г. колеблются в пределах **1–3%** (*Виктор* – **1,25%**, *Владимир* – **1,70%**, *Игорь* – **3,30%**). Только у имени *Александр* употребительность по сравнению с военным периодом не претерпевает существенных изменений (1941–44 гг. – **8,01%**, 1994 г. – **7,95%** от общего количества новорожденных мальчиков).

В целом на контрольном срезе 1941–44 гг. на долю частых приходится **26,15%** от общего количества имен, тогда как удельный вес редких имен (**26** единиц) составляет **40%**, а единичных (**22**) – **33,84%**. Статистическая структура антропонимикона характеризуется следующими параметрами: все популярные имена охватывают **80,70%** новорожденных мальчиков, первая десятка частых имен – **70,23%**, а пятерка – **42,09%**. Редкие и единичные имена в совокупности обслуживают **19,3%** новорожденных.

Региональная антропонимия военных лет не нашла в современных научных работах широкого освещения, поскольку выделяемые исследователями контрольные срезы для анализа антропонимного материала советской эпохи охватывали, с опорой на классификацию В.Д. Бондалетова [1, с. 127–138], послереволюционное двадцатипятилетие и период после Великой Отечественной войны. Привлекаемые для сопоставления наиболее хронологически близкие данные по мужскому именнику Смоленщины 1948 г. свидетельствуют о значительном количественном превосходстве витебского репертуара имен (*Витебщина* – **65** имен на **487** новорожденных, *Смоленщина* – **44** имени на **1900** новорожденных мальчиков) и меньшем уровне его концентрации: витебский показатель СКО, равный **7** единицам, в шесть раз уступает смоленскому, составляющему **43** единицы [3, с. 162].

Бурный всплеск патриотических настроений в условиях военного противостояния привел к минимальной представленности в именослове заимствований: *Эдуард* (**2,46%** новорожденных), *Альберт* (**0,62%**), *Гарий* (**0,21%** – **1** носитель).

Таким образом, основной тенденцией в развитии витебского городского антропонимикона на срезе 1941–44 гг. следует считать его стабилизацию, проявляющуюся в традиционности исполь-

зуемых антропонимных ресурсов, а отличительной чертой – значительно меньшую выраженность процесса концентрации по сравнению с именованной системой территориально близкого Смоленского региона.

Контрольные срезы 1954 и 1964 гг. знаменуют собой начало и конец хрущевской «оттепели» – нового этапа в жизни страны, обозначившего поворот к десталинизации и либерализации общества. Тем не менее, как известно, антропонимикон не является прямым отражением общественных процессов и нередко с опозданием реагирует на них. Динамика статистической структуры и СКО фонда мужских личных имен 1954 г. демонстрирует усиление тенденции к концентрации, имеющее своим следствием сокращение именного репертуара: более чем в **3,5** раза увеличивается СКО (25 единиц), на **4,06%** – степень употребительности частых имен (**84,76%**). На фоне относительно стабильной употребительности группы редких имен (ее сокращение составило всего **0,89%**) снижение удельного веса единично встречающихся именованных значительно и составляет **3,18%**.

Несмотря на постепенное преодоление демографического кризиса периода войны (зарегистрировано уже **1562** записи о рождении мальчиков), мужской именной репертуар уменьшился на **3** единицы и включает в себя **62** имени, **16** из которых являются популярными: *Александр* (264 носителя), *Владимир* (183), *Виктор* (149), *Сергей* (108), *Николай* (81), *Михаил* (80), *Валерий* (77), *Леонид* (63), *Анатолий* (56), *Геннадий* (53), *Василий* (45), *Юрий* (39), *Евгений* (33), *Олег* (32), *Петр* (31), *Игорь* (30). В качественном отношении популярная часть высокотрадиционна, содержит в себе только календарные антропонимы и на **13** единиц совпадает с популярным фондом 1941–44 гг. За первое послевоенное десятилетие в число лидеров стремительно выдвигаются имена *Сергей* (1941–44 г. – всего **4** употребления), *Юрий*, *Олег* (1941–44 г. – по **2**).

Заемствования по-прежнему находятся на периферии именника, незначительно обновляясь за счет регистрации детей евреев (*Айзик*, *Аль*, *Файвиш*), татар (*Ильгизьярь*).

Главными тенденциями развития мужской подсистемы именника в 1954 г. явились концентрация, стабилизация и сужение репертуара. Своеобразие указанных процессов, свойственных и российскому (в частности, смоленскому) антропонимикону данного периода, заключается в более интенсивных темпах концентрации (если в г. Витебске СКО увеличивается в **3,5** раза, то в Смоленске – всего в **1,5** (**67** единиц) [3, с. 166]) при практически не изменяющемся процентном соотношении имен частых (**25,80%**), редких (**40,33%**) и единичных (**33,87%**). Динамика статистических частей витебской именной системы балансирует в пределах **0,03–0,35%**, тогда как на Смоленщине увеличение ассортимента редких именованных составляет **25%**, а единичных – **6%** [3, с. 168]. Одним из объяснений подобного количественного дисбаланса могло бы послужить поступательное развитие именника в тесной связи с социально-политическими реалиями. Ведь политический переворот, едва обозначившийся к 1954 г. (контрольный срез для Витебска), стал мировоззренческим только к 60-м годам (1958 г. – контрольный для Смоленска), когда появилось новое поколение молодежи (так называемые «шестидесятники»), связывающее свое становление с историческими решениями XX съезда КПСС. Тем не менее, вопреки ожиданиям, на срезе 1964 г. каких-либо заметных подвижек в соотношении статистических групп личных имен и их частотности не происходит. Доля частых имен составляет **25,75%**, редких – **40,90%**, а единичных – **33,33%**. Своеобразной реакцией витебского мужского именованного на некоторое смягчение политического режима явилось сохранение прежнего уровня концентрации (СКО поднялся всего на один пункт до **26** единиц) и расширение именного репертуара на **4** единицы.

В группу частых входят **17** имен, охватывающих **85,50%** всех носителей: *Сергей* (225 новорожденных), *Игорь* (218), *Александр* (212), *Юрий* (139), *Владимир* (110), *Олег* (93), *Андрей* (81), *Виктор* (70), *Валерий* (65), *Вячеслав* (52), *Михаил* (46), *Николай* (39), *Дмитрий* (34), *Геннадий* (33), *Василий* (31), *Алексей* (30), *Павел* (26). Первая пятерка лидирующих имен обслуживает **51,39%** новорожденных мальчиков, десятка – **71,92%**. Популярная часть обновляется путем последовательного расширения употребительности имен *Андрей*, *Вячеслав*, *Дмитрий*, *Алексей*, *Павел*, ранее относившихся к антропонимной периферии.

Группа редких состоит из **27** имен, охватывающих **13,25%** новорожденных мальчиков, а единичных – из **22-х** (**1,25%** новорожденных).

Новые заимствования проникают в витебскую антропонимную систему из армянского, греческого, грузинского, осетинского, западноевропейских языков, главным образом в тесной зависимости от национальности отца, рода профессиональной деятельности родителей (люди интеллектуального труда: интеллигенция, учащаяся молодежь) либо в связи с существованием в конкретной

семье традиции использовать в выделительных целях иноязычные личные именованья: *Саят* (отец – армянин, электросварщик; мать – белоруска, ткач), *Амиран* (отец – осетин, маляр; мать – белоруска, не работает), *Янис* (грек, шофер; белоруска, студентка), *Зураб* (грузин, художник; белоруска, педагог), *Эдгар* (латыш, военнослужащий; белоруска, маляр), *Арвид* (поляк, инструктор; белоруска, студентка), *Артур* (отчество – Жанович; белорусы, рабочие) и др. Из разряда единичных в редкие уверенно выходит имя *Эдуард* (**0,68%** новорожденных), четырежды – единственный случай на всех анализируемых контрольных срезах – зарегистрированное в еврейских семьях. С 70-х гг., однако, интерес к нему снова угасает, а к 90-м гг. оно полностью исчезает из актовых записей.

Обобщая наблюдения над эволюцией городского именника в период «оттепели», отметим, что при закономерном совпадении ключевых антропонимных тенденций у русского и белорусского народов, переживающих общую историческую судьбу в составе советского государства, очевидно своеобразие витебского регионального именослова, проявляемое в повышенной стабильности его статистической структуры. Не случайно, например, концентрация в Смоленске на контрольном срезе 1968 г. сокращается по сравнению с 1958 г. в **1,6** раза (СКО равен **40** единицам [3, с. 171]), а в Витебске (срез 1964 г.) лишь замедляет темп, фактически оставаясь на прежнем уровне.

1964 г. – важный рубеж в истории Советского Союза: на пост первого секретаря ЦК КПСС избирается Л.И. Брежнев. В основе деятельности нового лидера лежала идея стабилизации, откликом на которую явились разработка идеологической концепции «развитого социализма» и усиление консервативной направленности внутренней политики.

Безусловно, поиск прямых причинно-следственных связей между характером политических трансформаций и эволюцией антропонимии может привести к искаженному восприятию последней. При всем том нельзя не заметить, что развитие именника 70-х гг. проходит под знаком стабильности: **2137** мальчикам, рожденным в 1974 г., присвоено **59** имен (на **7** единиц меньше, чем в 1964 г.); впервые перестают регистрироваться имена и отчества у мертворожденных младенцев. СКО возрастает до **36** единиц – самый высокий уровень за всю 2-ю половину XX в.

Группа частых состоит из **17** личных именованья: *Сергей* (284 фиксации), *Александр* (277), *Андрей* (210), *Дмитрий* (158), *Алексей* (151), *Владимир* (103), *Юрий* (100), *Олег* (91), *Игорь* (81), *Виталий* (80), *Вячеслав* (65), *Руслан* (50), *Виктор* (49), *Вадим*, *Валерий*, *Павел* (по 39), *Николай* (36). Популяризации имени *Руслан*, обслуживавшего в 60-е годы только **2** носителя, по наблюдениям А.М. Мезенко, содействовала телевизионная демонстрация в 1972 г. фильма «Руслан и Людмила» [4, с. 52].

Все частые имена составляют **28,81%** от общего количества имен и обслуживают **86,66%** новорожденных мальчиков. Доля редких имен возрастает до **44,06%** (**26** единиц), а единичных сокращается до **27,12%** (**16** единиц; расхождение с показателями 1964 г. составляет **6,21%**).

Сопоставив приведенные цифры с данными предыдущего контрольного среза, обнаруживаем, что самые большие изменения претерпевает система единично употребляющихся антропонимов, используемых при наречении **0,75%** мальчиков. Вопреки планомерной фреквентативной убыли, совокупность единичных именованья качественно обновляется на **9** единиц. Старые канонические имена *Рафаил*, *Зиновий* появляются в антропонимиконе благодаря семьям еврейской интеллигенции. Славянское по происхождению имя *Борислав*, также зафиксированное в семье евреев, по-видимому, привлекло внимание имядателей вследствие возможной этимологической связи с именем *Борис*, особенно популярным в еврейской диаспоре, а на срезе 1941–54 гг. даже приобретающим социальную маркированность в результате абсолютного употребления представителями еврейской национальности. Хотя не исключено, что обращение к этому имени, равно как и к антропониму *Мирослав*, возникло в русле постепенного возрастания интереса к славянской антропонимии, пока еще характерной для редкого и единичного фонда имен.

Динамика редких именованья по сравнению с единичными создается за счет взаимопереходов номинативных единиц разных статистических групп и в меньшей мере обусловливается актуализацией антропонимов пассивного запаса. В 1974 г. в состав редких имен проникают только **2** новые единицы (*Денис*, *Рустам*), тогда как в 1964 г. – **5** (*Артур*, *Герман*, *Илья*, *Антон*, *Святослав*), а еще десятилетием ранее – **6** (*Роман*, *Яков*, *Савелий*, *Владислав*, *Марк*, *Ефим*).

Итак, «застой» в обществе, по справедливому замечанию И.В. Даниловой, «порождает определенный «застой» ... в системе личных имен» [3, с. 180]. Ярким показателем такого «застоя» является поворот к прошлому, давший новую жизнь антропонимным тенденциям, управлявшим динамикой именослова в период до хрущевской «оттепели».

К середине 80-х гг. в Советском Союзе разразился всеохватывающий кризис. 1985 г. принес с собой «перестройку» – начальный этап трансформации тотальной системы, стимулировавший политику гласности и стремление советских республик к суверенитету. 1984 г. формально еще не «перестройка», но дух перемен уже витает в обществе, вызывая расширение репертуара мужского именника и стремительное падение уровня его концентрации. Количество имен (**68**) на **9** единиц превышает планку 1974 г., а СКО (**29**) опускается на **7** пунктов.

Ускорение темпов динамики именослова, начавшееся с 70-х годов, разрушает стабильное равновесие статистических групп личных имен. Любопытно, что разбежка показателей соотношения частого, редкого и единичного антропонимного фонда в периоды 1964–1974 и 1974–1984 гг. практически совпадает: к 1984 г. количество частых имен (**21**) увеличивается на **2,07%**, редких (**33**) – на **4,47%**, а единичных (**14**) уменьшается на **6,54%**.

При анализе распространенности статистических частей мужской подсистемы городского антропонимикона в первую очередь следует отметить социально обусловленный процесс уменьшения удельного веса частых имен, охватывающих **84,54%** новорожденных. В группу частых на срезе 1984 г. вошли имена *Александр* (225 носителей), *Дмитрий* (196), *Сергей* (195), *Андрей* (150), *Алексей* (132), *Евгений* (83), *Виталий* (69), *Денис* (69), *Владимир* (64), *Игорь* (62), *Максим* (61), *Юрий* (55), *Павел* (43), *Олег* (37), *Вадим* (36), *Николай* (36), *Иван* (33), *Константин* (33), *Антон* (32), *Вячеслав* (32), *Артем* (30). Популярный антропонимный репертуар изменился приблизительно на одну треть, демонстрируя виток интереса имядателей к редким (*Антон*, *Денис*, *Иван*, *Константин*) либо единичным (*Максим*) именам антропонимной периферии 70-х гг.

Амплитуда колебания продуктивности единичных именовании (они зафиксированы в **0,71%** записей о рождении) сводится к **0,04%**. Нетипичные для регионального именника заимствования *Эмил*, *Марсель*, *Жан Мишель*, *Улан*, появившиеся в семьях представителей неславянских народов, где хотя бы один из родителей являлся студентом Витебского медицинского института, обязаны своей актуализацией формированию международных образовательных контактов: с 1981 г. в вышеуказанном институте начинается обучение иностранных граждан из 46 развивающихся стран.

Системность организации ономастического пространства русского языка в целом и личной онимии в частности давно обоснована и не подлежит сомнению. Основной целью, стимулировавшей создание самых разных антропонимных систем, по мнению А.В. Суперанской, был «...показ взаимоотношений людей, принадлежащих к определенной семье или общественной группе» [5, с. 27–28], а главным способом достижения этого – соименование, то есть «называние людей таким образом, чтобы их имена перекликались с именами других членов данного языкового коллектива» [5, с. 28]. А.В. Суперанская описывает различные типы соименования: структурное и семантическое, вертикальное и горизонтальное. В витебском антропонимиконе периода «перестройки» вертикальное соименование, выраженное в наречении сына именем отца (типа *Николай Николаевич*) либо деда (например, отец – *Николай Иванович*, сын – *Иван Николаевич*), распространяется на **10,25%** (**203**) новорожденных и является, на наш взгляд, ключевым проявлением традиционности именослова. Такие антропонимы, как *Федор*, *Григорий*, отчасти – *Иван*, *Василий* и *Геннадий*, не перешли в пассивный запас только благодаря организации официальной формулы именования конкретных новорожденных мальчиков по типу вертикального соименования. Для сравнения отметим, что в 1974 г. соименование зафиксировано в два раза реже (**4,30%** – **92** записи о рождении), а в 1994 г. – почти в полтора (**7,67%** – **86** записей).

Кратко охарактеризовав развитие регионального мужского именника в 1984 г., определим его специфические особенности: 1) если в предшествующем данному этапу периоде основным проявлением традиционности именословной системы была стабильность ее статистической структуры вкупе с относительной константностью единиц популярного репертуара, то в связи с ускорением темпов антропонимного развития не менее важным показателем традиционности именослова становится построение официальной антропонимной формулы по принципу соименования; 2) реакция витебского антропонимикона на социальные настроения накануне «перестройки» по степени своей интенсивности превосходит реакцию именника смолян 1988 г., отличающуюся значительно более высоким уровнем концентрации (СКО равен **51** единице; количество имен (**69**) практически совпадает со статистикой по г. Витебску, однако обслуживает в два раза больше имяносителей – **3557** [3, с. 181]).

Описывая динамику мужского именника на контрольном срезе 1994 г., сразу подчеркнем, что он подхватывает и предельно развивает все тенденции, возрожденные в середине 80-х годов. Не-

взвизывая на весьма неблагоприятную демографическую ситуацию, СКО (14 единиц) опускается на 15 пунктов, а количество имен (77) достигает рекордной для 2-й половины XX в. отметки.

Политика реформирования советской модели социализма, потерпевшая поражение в Вискулях 8 декабря 1991 г. с денонсацией договора об образовании СССР, создала благоприятные условия для разрушения системы монопартийности, открыла дорогу различным идеологиям и ценностям, в том числе традиционным православным. Уже начиная с 1984 г. возрождается интерес ономаста к редким календарным именованиям, «вторую жизнь» обретают имена *Артем, Никита, Глеб, Степан, Игнатий/Игнат, Тимофей, Даниил/Данил, Арсений, Фаддей, Елисей, Ермолай, Матвей, Ярослав, Герман, Марк* и др. Разумеется, следовало ожидать, что усиление позиций церкви в жизни современного общества найдет свое отражение и в сфере имяназвания. В русле идеи, высказанной И.В. Даниловой, в 80–90-е гг. на Смоленщине зарождается «процесс новой христианизации именника» [3, с. 185]. Ни в коей мере не умаляя влияния религии на формирование и развитие антропонимии, считаем не совсем оправданным употребление предложенного терминологического обозначения. Во-первых, мы не можем считать весь советский народ заведомо атеистически настроенным. Во времена атеизма тоже крестили детей, отмечали христианские праздники, другое дело, что зачастую сохраняли это в тайне. Анализ фактического материала убедительно свидетельствует, что основной антропонимный фонд на протяжении XX в. был преимущественно православным календарным. Перечислим хотя бы десять наиболее распространенных имен за всю совокупность срезовых лет: *Александр, Дмитрий/Димитрий, Андрей, Сергей, Алексей, Игорь, Юрий, Владимир, Олег, Виктор*. Во-вторых, само явление христианизации именника достаточно широко исследовано в научной литературе (работы С.И. Зинина, Е.Н. Ивановой, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, В.К. Чичагова и др.) и по своей сущности не идентично так называемой «новой христианизации», или процессу использования в выделительных целях мало распространенных канонических имен. Формально отсчет христианизации, то есть проникновения в древнерусский именник, сформированный на базе апеллятивной лексики, христианских имен, заимствованных византийской церковью у разных народов древности, может быть начат со времени крещения благоверной княгини Ольги – первой христианки на Руси (954, 955 или 957 г.). Спустя 30 лет, после крещения Руси в 988 г. князем Владимиром, христианские имена «потоком устремляются в русский именник» [6, с. 69–70], окончательно вытеснив из официального употребления прозвищные именования только в XVII–XVIII вв. И без дальнейших объяснений очевидно, что в 80–90-е гг. XX в. подобное коренное преобразование именной системы в принципе не могло произойти.

Думается, описываемая антропонимная тенденция может иметь и другое обоснование. В зарубежных Интернет-публикациях встречается чуждое русскому слуху понятие «бэби-брендинг» (англ. brand ‘фабричное клеймо, сорт’), которое обычно используется при продвижении на рынок какой-либо торговой марки [7]. Отбросив в сторону настороженность по отношению к предложенному определению, на первый взгляд далекому от того, что подразумевается под «новой христианизацией», вспомним, что 80–90-е годы вместе с полиидеологичностью принесли увлечение всем западным. Наряду с редкими каноническими именами, в выделительных целях не без влияния телевидения используются явные американские и западноевропейские заимствования (типа *Мэтью, Кевин*), в особенности характерные для женской подсистемы именника (*Джулия, Лауритта, Виолетта, Эмилия, Фрида, Диана, Дина, Линда, Эльвира, Джессика, Алиса, Эстелла, Кристианна* и др.). Заметное увеличение удельного веса единичных имен (31,16% – на 10,58% больше, чем в 1984 г.) и числа обслуживаемых ими новорожденных (2,14%) свидетельствует об активизации выделительной функции имени на данном этапе. Получается, что две, казалось бы, противоположные тенденции – пополнения антропонимикона за счет канонических и неадаптированных иноязычных имен – имеют единую побудительную силу (выделительную функцию) и, следовательно, могут объединяться общим номинативным обозначением – брендинг в сфере присвоения имени.

К частым на срезе 1994 г. относятся 26 мужских имен, применяемых для наречения 84,91% новорожденных: *Александр* (89 фиксаций), *Дмитрий/Димитрий* (68), *Андрей* (67), *Евгений* (60), *Сергей* (60), *Алексей* (55), *Владислав* (53), *Артем/Артемий* (40), *Павел* (40), *Антон* (37), *Игорь* (37), *Никита* (33), *Максим* (32), *Денис* (30), *Илья* (29), *Виталий* (25), *Кирилл* (23), *Роман* (23), *Михаил* (21), *Станислав* (21), *Юрий* (20), *Вадим* (19), *Владимир* (19), *Олег* (19), *Иван* (17), *Виктор* (14). Список популярных имен 1994 г. по отношению к списку 1941–44 г., взятому в качестве исходного, более разнообразен с точки зрения этимологической семантики. В 1990-е гг. зарегистрировано единственное в мужском антропонимиконе искусственное имя – *Граф* (семья цыган).

Таким образом, в конце XX в. достигает своего пика направленность городского антропонимикона на максимальное расширение границ. Процесс номинации регламентируется только соображениями этики и эстетики, а отсутствие идеологического давления выводит на первый план выделительную функцию имени.

В заключение описания динамики мужской подсистемы городского антропонимикона во 2-й половине XX в. остановимся на изменении одного из «наиболее плотных» [1, с. 162] ее слоев – первой десятки самых популярных имен. Обобщив данные шести хронологических срезов, находим, что в г. Витебске в число 10 наиболее употребительных личных именований входило **28** антропонимов.

Лидирующие десятки мужского именника 1941–44 и 1994 гг. совпадают только в **2-х** единицах: это *Александр*, стабильно располагающийся в пределах первой тройки имен-фаворитов, и *Евгений*, с 80-х годов обнаруживающий тенденцию к возрождению повышенной употребительности. Наибольшие модификации качественного состава десятки лидирующих имен приходятся на 60-е и 90-е гг., когда наблюдается достаточно резкое (на **5** единиц) обновление популярной части именослова.

Сопоставление динамики десяти самых частотных имен витеблян с данными И.В. Даниловой по Смоленску [3, с. 162, 166, 171, 176, 181, 186] и Л.П. Зайчиковой по Одессе [8, с. 8] подтверждает выводы о сходстве антропонимных процессов у восточных славян. На срезе 1940-х годов десятки лидирующих мужских имен в трех городах – белорусском, русском и украинском – совпадают по **шести** единицам (*Владимир, Александр, Виктор, Николай, Валерий, Анатолий*), в 50-е (*Владимир, Александр, Виктор, Николай, Валерий, Анатолий, Сергей*), 60-е (*Владимир, Сергей, Игорь, Юрий, Олег, Андрей, Александр*) и 70-е годы (*Александр, Владимир, Сергей, Юрий, Игорь, Дмитрий, Алексей*) – по **семи**, в 80-е – по **восьми** (*Александр, Евгений, Сергей, Андрей, Дмитрий, Алексей, Денис, Максим*). Характерно, что в г. Витебске по сравнению со Смоленском и Одессой в определенные периоды большую продуктивность демонстрируют имена *Иван, Петр* (40-е гг.), *Геннадий, Леонид*, (40–50-е гг.), *Валерий, Вячеслав* (60-е гг.) и т.д. Абсолютно сходятся пятерки самых частотных имен г. Витебска и Калининграда [9, с. 203] 1994 г.: *Александр, Дмитрий, Сергей, Евгений, Алексей*, только имя *Андрей*, занимающее в Витебске **3-й** ранг, в Калининграде располагается тремя рангами ниже – на **6-м**.

Закключение. Подводя итоги анализу динамики мужского именослова витеблян во 2-й половине XX века, отметим, что в совокупности он включает в себя **147** антропонимных единиц, из которых **28 (19,04%)** являются устойчивыми: *Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Вадим, Валентин, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Вячеслав, Геннадий, Георгий, Григорий, Дмитрий, Евгений, Иван, Игорь, Константин, Леонид, Михаил, Николай, Павел, Сергей, Stanisлав, Федор, Юрий*. Все они, за исключением имени *Stanisлав*, имеют соответствия в православном церковном календаре. В качестве основных тенденций развития антропонимикона белорусского города в конце XX в. следует выделить снижение показателей концентрации и расширение границ именного фонда, возрождение употребительности славянских и редких канонических именований, реставрацию христианского наполнения имени.

Региональное своеобразие мужской подсистемы витебского антропонимикона заключается в большем разнообразии ассортимента имен, сниженном уровне их концентрации (по сравнению с именником смолян), существовании местной «моды» на имена, специфичности «отклика» статистических групп личных имен на коренные социально-исторические преобразования.

Литература

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 384 с.
3. Королева, И.А. Имена на Смоленщине: история и современность: учеб. пособие по спецкурсам «Русская антропонимика», «Имена смолян: прошлое, настоящее, будущее» / И.А. Королева, И.В. Данилова, А.Н. Соловьев; отв. ред. И.А. Королева. – Смоленск: СГПУ, 2005. – 196 с.
4. Мезенка, Г.М. Беларуская анамэстыка: навуч. дапаможнік для студэнтаў універсітэтаў / Г.М. Мезенка. – Мінск: Вышэйшая школа, 1997. – 119 с.
5. Суперанская, А.В. Эволюция антропонимических систем в русском и ряде других языков / А.В. Суперанская // Ономастика Поволжья. – М., 2001. – С. 27–37.

6. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
7. Pleu, Patrick Baby-branding wird zur Manie / Patrick Pleu // Stern [Электронный ресурс]. – 2007. – 11 Juli. – Режим доступа: <http://stern.de/politik/panorama/:Namensgebung-Baby-Branding-Manie/592874.html>. – Date of access: 12.07.2007.
8. Зайчикова, Л.П. Русский именник г. Одессы. Проблемы развития и взаимодействия: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.П. Зайчикова; Одесск. гос. ун-т им. И.И. Мечникова. – Одесса, 1986. – 16 с.
9. Варфоломеев, А. Имена калининградцев вчера и сегодня / А. Варфоломеев // Балтийский филологический курьер. – 2000. – № 1. – С. 194–206.

Поступила в редакцию 28.01.2011

Адрес для корреспонденции: 210022, г. Витебск, ул. Чкалова, д. 14, корп. 1, кв. 8, e-mail: skrebnev@gmail.com – Скребнева Т.В.